

УДК 316.334.4

И. А. Дышлевой
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры социальных теорий
Национального университета «Одесская юридическая академия»

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека – это «оберег» социально активных, свободных в воплощении своих ценностей и достижении собственных целей людей, защищающий их от произвола, навязывания им чужой воли, от агрессии. Но расплатой за этот «оберег» является принятие человеком высокой ответственности за свои деяния, непрерывный самоконтроль и готовность к санкциям за нарушение границ свободы других людей. Именно поэтому, вопреки зачастую наивным просвещенческим идеям, права человека далеко не для всех людей представляют высокую значимость и ценность.

Социологические мониторинги соблюдения прав человека международной неправительственной организации Freedom House фиксируют не только состояние соблюдения прав человека, степень их нарушения различными структурами, но и субъективную значимость прав человека. Но эти мониторинги нуждаются в дополнении социальными показателями факторов, вызывающих значимость/незначимость различных прав человека, ожиданий соблюдения/нарушений прав человека, сопряженности представлений о правах человека с нравственными ценностями чувства долга, свободы, счастья, справедливости, равенства возможностей, саморазвития, любви, секса, удовольствий. Права человека сами по себе есть нравственная ценность.

Проблемная ситуация исследования заключается в противоречиях между правовым и политическим дискурсами либеральной демократии, предполагающими в своих актах высказывания и теоретических стратегиях приверженность самым разным социальным субъектам естественным правам человека, с одной стороны, и незначимостью многих прав человека со стороны представителей самых различных социальных общностей, с другой стороны. В домодерных и модернизирующихся обществах, а современное украинское общество является модернизирующимся, эти противоречия особенно сильны.

Актуальность проблемы исследования состоит в необходимости обретения естественными правами человека массовой значимости среди различных социальных общностей, без которой невозможна сопряженность государства, бизнеса и людей на нравственных основаниях свободы, чувства долга, справедливости, толерантности, равенства возможностей. Эти нравственные основания не являются некими «далекими» и абстрактными, именно они способны обеспечить доступ к удовольствиям, наслаждениям, удобству, духовной гармонии разных людей, независимо от их ресурсной базы.

Проблема прав человека является весьма широкой и осмысливается главным образом в философии, теории права и государства, экономической теории, психоанализе. Социология позволяет увидеть социальные ожидания и стремления под поверхностью соблюдения/нарушений прав человека. Гуго Гроций полагает, что естественное право необходимо человеку для спокойного и разумного общения человека с другими людьми на основе ценности справедливости. Зигмунд Фрейд рассматривает склонность человека к воспроизводящемуся поведению (в том числе и правовому/неправовому) как итог детских психосексуальных событий и травм личности. Эрих Фромм выделяет психологический мазохизм и связанные с ним фобии в массовом сознании в качестве причин «бегства» людей от свободы, что проявляется и в их «бегстве» от своих прав. Включенность прав человека во властные технологии надзора и контроля, а также дискурсы, выступающие формами знания-власти, анализирует Мишель Фуко. Именно в его теории власти права человека рассматриваются не как самооценочность, а с позиции

их включенности в социальное управление и укрепление властных структур в различных социально-исторических видах общества, а также на уровне формирования социальных общностей, особенно стигматизируемых и дискриминируемых в обществе.

Уровень и характер соблюдения/нарушений прав человека в разных странах мира регулярно освещается в аналитических материалах международных неправительственных организаций: Freedom House, Amnesty International, Human Rights Watch. Государственный департамент США также постоянно предоставляет материалы о соблюдении прав человека в мире.

Нерешенными прежде частями указанной выше проблемной ситуации являются следующие противоречия: 1) противоречия между актами высказывания и теоретическими стратегиями правового и политического дискурсов касательно естественных прав человека, с одной стороны, и инерционностью, бессознательным и осознаваемым стремлением субъектов к традиционалистскому устройству общества, с другой стороны; 2) противоречия между декларативным признанием свободы человека как субстанциональной основы и смысла его прав в теоретическом правовом, политическом, религиозном дискурсах, с одной стороны, и значимыми высказываниями в публичном дискурсе о правах человека и свободе, с другой стороны; 3) противоречия между темпами, степенью, характером признания государством и соблюдения его институтами, а также бизнес-структурами прав стигматизируемых социальных общностей, с одной стороны, и социальными ожиданиями, требованиями этих общностей своих прав, с другой стороны.

Целью статьи является выделение оснований и форм социальной значимости/незначимости прав человека в контексте социальных отношений по следующим осям: человек-власть; традиционализм-модерное общество; социально уязвимые группы-«большинство» и государство. Также в данную цель входит очерчивание плоскостей «бегства» людей от своих прав.

Тяга людей к несвободе продемонстрирована в романе Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». И эти устремления субъектов на протяжении очень многих веков обеспечиваются религиозным дискурсом Римско-католической церкви, подменяющего христианские теологические представления о свободе воли, свободе выбора и свободе действий идеей подчинения требованиям и предписаниям Церкви ради обретения спасения души, что, дескать, и есть подлинная свобода. Федор Достоевский как раз говорит о выполнении Римско-католической церковью в европейских странах задач развития государства. А государству и нужна несвобода людей. Даже Иисус Христос воспринимается в XVI веке в испанском городе Севилье как еретик и преступник, а инквизитор обвиняет его в смуте [4, с. 290–291]. Устами героя, Ивана Федоровича Карамазова, Федор Достоевский в главе «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» озвучивает свои основные мысли о нужде и готовности очень многих людей распрощаться со своей свободой и Христом ради «хлеба земного».

Углубляясь в концепцию Федора Достоевского, можно прийти к выводу, что правовой, политический дискурс, религиозный дискурс, связанный с ними, предлагают человеку «бегство» от своих прав и избавление через это «бегство» от «бремени» свободы, причем такое воздействие дискурсов осуществлялось не только в античных, средневековых обществах, но свойственно и обществам модерна. Поэтому не стоит обольщаться насчет дискурсов о свободе

в современных западных обществах, к которым можно отнести общества Западной и Центральной Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Японии. Из «Братьев Карамазовых» следует, что за дискурсами как традиционалистских обществ, так и обществ модерна стоит не Бог, дарующий людям свободу, а Дьявол, отнимающий свободу у человека взамен на мнимое спокойствие и отсутствие мучительных размышлений (сам Федор Достоевский категорию «дискурс» не употребляет, но в интерпретациях его творчества ее применение эвристично относительно раскрытия способов представлений о мире и структур знаний о нем, задающих мысленно-чувственный и деятельный отказ людей от своих прав и «бегство» от свободы в целом). «Бегство» людей от прав на самом деле не есть истинная христианская покорность, а следование Дьяволу, избавляющему людей от смутений и несчастий, вызванных божественным даром свободы. Федор Достоевский указывает то, на что направлен человеческий поиск в обществе: «... пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в беспорядный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» [4, с. 296]. «Бегство» от прав – это не что иное, как страх человека перед формированием и проявлениями своей индивидуальности.

Федор Достоевский в «Братьях Карамазовых» обратил особое внимание на страх людей, слабосильных и беспринципных по своей природе, перед свободой, «ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» [4, с. 291]. Человек, в соответствии с христианским учением, должен самостоятельно делать выбор между добром и злом, между Богом и Дьяволом. Однако человек отягощен этой мучительной для него свободой выбора, проистекающей из свободы его совести. Касательно свободы совести Федор Достоевский отмечает: «Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее» [4, с. 293]. Свобода в целом для человеческих умов и душ относится к ряду «необычайного, гадательного и неопределенного» [4, с. 293]. Именно поэтому люди, дабы успокоить свою совесть и не находиться под мучительным «бременем» выбора ценностей и ответственности за свои деяния отказываются от своей свободы, осуществляя «бегство» от своих прав, надеясь на разрешение своих проблем и решение своих задач Церковью, часто дающей от Бога, общинами, государством.

Чарльз Диккенс в своем романе «Приключения Оливера Твиста» демонстрирует оборотную сторону либеральной демократии, сосредотачиваясь на лицемерии и корыстолюбии чиновников, ответственных за воспитание и жизнь внебрачных детей, на вовлечении таких детей в преступную деятельность взрослыми, говоря также и о встречающемся мягкосердечии отдельных людей. Главным героем данного литературного произведения – Оливер Твист – является незаконнорожденным ребенком и ощущает презрение и жестокость к себе не только от взрослых, но и от детей постарше с самого раннего детства. Чиновники приюта, в котором рос Оливер, наживались на детях, проявляли к ним жестокость, а к контролирующим органам – подострастие и трусость. Чуть ли не с самого рождения детям в приюте внушали, что они обуза для взрослых и общества в целом. И дети смирились с подобной униженной ролью, надеясь на случайную добродетель к ним как на чудо. Таким образом, Чарльз Диккенс демонстрирует перетекание социальной стигматизации внебрачных детей в их самостигматизацию. Но даже в такой душасающей социальной атмосфере, в ситуации голодного беспорядка, нищеты и зависимости от преступных группировок Оливер был способен испытывать безмерную благодарность по отношению к людям, оказавшим ему благодеяния и помощь, в частности пожилой леди и ее племяннице, приютившим его после вынужденного незаконного проникновения в их дом под давлением группировки грабителей: «Так промелькнули три месяца – три месяца, которые в жизни самого благополучного и благоденствующего из смертных могли почитаться безгра-

ничным счастьем, а в жизни Оливера были поистине блаженством. Самое чистое и нежное великодушие – с одной стороны; самая искренняя, горячая и глубокая благодарность – с другой. Не чудо, что по истечении этого короткого срока Оливер Твист тесно сблизился со старой леди и ее племянницей, и пламенная любовь его юного и чуткого сердца была вознаграждена тем, что они привязались к мальчику и стали им гордиться» [3, с. 296]. Преступные группы, напротив, овладевали ходом жизни юного Оливера, манипулируя его огромной потребностью в тепле и заботе. В романе так характеризуются действия одного опытного грабителя в отношении Оливера Твиста: «Подготовив его душу одиночеством и унынием к тому, чтобы мальчик предпочел любое общество своим печальным мыслям, старик теперь вливал в нее по капле яд, который, как он надеялся, загрязнит ее, навеки изменив ее цвет» [3, с. 178]. Трагическая ситуация беспорядка и безысходности внебрачных детей, отразившаяся в произведениях Чарльзом Диккенсом на примере персонажа Оливера Твиста, показывает недостаточность одних только демократических политических институтов и рыночной экономики, свидетельствует о необходимости активизации социальной политики государства и деятельности общественных организаций, направленных на обеспечение прав детей в целом, а особенно внебрачных, которые часто входят в число социально уязвимых групп в обществах.

Придание значимости правам человека среди социально уязвимых групп (на примере ЛГБТ-сообщества и ВИЧ-положительных людей). Основными социально уязвимыми группами, ожидающими соблюдение прав человека и требующими их в отношении себя, в современных обществах являются следующие: 1) ЛГБТ-сообщество (геи, лесбиянки, бисексуалы и трансгендеры); 2) ВИЧ-положительные люди (люди, у которых обнаружен ВИЧ – вирус иммунодефицита человека); 3) легальные и нелегальные мигранты (нередко занимают социально-этнический статус более низкий, чем коренные жители страны, в которую они приехали); 4) малочисленные в том или ином конкретном государстве этнические и религиозно-конфессиональные общности (довольно часто обладают более низким статусом, чем этническое большинство или представители широко распространенных религиозных конфессий соответственно). Эти социальные группы являются стигматизируемыми многими людьми. Беспорядочные дети, дети, находящиеся в детских домах, приютах, дети, рожденные вне брака, в настоящее время в современных обществах особо не стигматизируются, но они часто ущемляются в правах. Приведенная выше литературная иллюстрация социального статуса отверженных детей обладает актуальностью и в настоящее время, но проблемы детей, находящихся вне родительской заботы и опеки, часто находятся не в центре высказываний, обсуждений, дискуссий в современных обществах. Социальное положение ЛГБТ-сообщества и ВИЧ-положительных людей постоянно находится в центре публичного дискурса современных обществ, особенно западных современных.

Права социально уязвимых групп относятся к правам человека третьего поколения (правам социальных общностей) и стали предметом многих социальных коммуникаций, а также начали юридически признаваться и закрепляться государствами с середины XX века. «Бегство» людей от своих прав вмещает в себя как добровольные, так и вынужденные начала. В случае преобладания вынужденных начал, что чаще всего встречается в социально уязвимых группах, которые можно рассматривать в качестве стигматизируемых (осуждаемых) и депривированных (лишенных возможностей удовлетворения своих социальных потребностей и реализации своих социальных интересов), иногда наблюдается впадение в алкогольную и/или наркотическую зависимость. У гомосексуальных людей это нередко проистекает из их повышенной ранимости и чувствительности, ведь они преодолевают сложные стадии принятия своей «инаковости» либо же не справляются с ее принятием, а также они вынуждены сосуществовать с их неприятием другими людьми. ВИЧ-положительный статус также порождает

большую впечатлительность, часто ВИЧ-положительные люди еще большие изгои в обществе, чем гомосексуалы, что в некоторых случаях ведет к формированию алкогольной и наркотической зависимости и у них. Еще более трагичной складывается ситуация в случае многомерной социальной стигматизации акторов, так, например, в случае субъектов, принадлежащих одновременно к ЛГБТ-сообществу (социальной общности геев, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров) и социальной общности ВИЧ-положительных людей (геи, живущие с ВИЧ, в частности).

Сильные экзистенциальные переживания людей, относящихся к социально стигматизируемым группам, повышают присущую им тревожность, которая вызывает сосредоточение на обладании правами человека. Социальная значимость прав человека для представителей социально уязвимых групп выше, чем среди многих других социальных общностей. В начале XXI века гомосексуальность окончательно вышла из «подполья» во многих странах мира, а однополые браки и однополые союзы вообще юридически признаны в большинстве современных стран. Так, в 2015 году гомосексуальные браки стали легальными в Соединенных Штатах Америки, а в Ирландии впервые в мире однополые браки были юридически признаны на основании проведенного референдума. В России же устойчивыми являются обратные тенденции: в 2013 году у ЛГБТ-сообщества законодательно отнята свобода высказываний по поводу гомосексуальности, адресованных несовершеннолетним, гомосексуалы лишены возможности проводить гей-парады. В Украине хоть и с препонами, но в настоящее время уже проводятся публичные мероприятия гомосексуалов. Также обсуждается возможность легализации однополых союзов в рамках гражданских партнерств, а соответствующий законопроект уже предложен [1].

ВИЧ-инфекция является криминализированным заболеванием во многих странах мира, в том числе и в Украине: за заражение ВИЧ налагаются юридические санкции (во многих странах, включая Украину, за заражение ВИЧ предусмотрена уголовная ответственность). Но правовое равенство с людьми с другими заболеваниями, с людьми без серьезных заболеваний, защита от дискриминации являются социально значимыми для ВИЧ-положительных людей. Но инициативы ВИЧ-положительных людей еще довольно сокрыты, поскольку социальная стигматизация (дискурсивное и публичное осуждение, неприятие) ВИЧ-положительных людей часто еще сильнее, чем гомосексуалов.

Результаты измерений социальной значимости прав человека. Согласно отчету «Nations in Transit 2016» международной неправительственной организации Freedom House, в 2015 году Украина являлась страной, относящейся к категории государств «Transitional Government or Hybrid Regime» («Переходное правительство или гибридный режим»), обладая значением показателя демократии 4,68 (показатель демократии измеряется по шкале от «1» до «7», где «1» означает наивысший уровень демократического развития, а «7» – самый низкий уровень демократии в обществе). Для сравнения, значение показателя демократии в 2015 году в Польше было 2,32, в Чехии было 2,21, в России значение этого показателя было 6,5, в Беларуси – 6,64 [9]. Freedom House ранжирует страны на «свободные», «частично свободные» и «несвободные» на основании соблюдения властями стран гражданских свобод (Civil Liberties) и политических прав (Political Rights), которое фиксируется в значениях от «1» (полное соблюдение) до 7 (совершенное несоблюдение). Выделение гражданских и политических прав – первого поколения прав человека – в качестве базовых прав характерно для англосаксонской социально-правовой традиции. Украина еще в 2009 году, согласно выводам Freedom House, относилась к категории «свободных» стран, а с 2010 года по 2015 год относится к «частично свободным» странам [9]. С 2004 года Россия относится к «несвободным» странам, причем ситуация с правами человека в ней неуклонно ухудшается [10]. Видна иллюстрация социальной значимости прав человека в Украине и некоторых других

странах. Можно предположить наличие сильной прямой связи между социальной значимостью прав человека и степенью их соблюдения властными структурами государства, причем первичной является значимость прав человека, поскольку социальные действия (в данном случае соблюдение прав человека) задаются ценностями и мечтами.

Результаты социологического исследования, проведенного Центром Разумкова (украинской социологической исследовательской организацией) в 2010 году, приведенные в аналитическом докладе Дома Свободы Украина (относится к организации Freedom House), показывают, что для более половины жителей Украины (для 51,5%) наиболее важными являются «базовые» права личности (право на жизнь, неприкосновенность личности, на личную свободу и другие гражданские права). А политические права важны только для 3,6% украинцев, что свидетельствует о неверии людей в готовность власти допускать к участию в ней представителей самых разных социальных групп. Экономические и социальные права важны для довольно существенной доли украинских жителей – для 35,2%. Поражает то, что культурные права значимы всего лишь для 0,7% жителей Украины, а экологические права – для 2,3% украинцев [6, с. 19]. Данные касательно крайне низкой социальной значимости культурных и экологических прав в современном украинском социуме говорят о материалистичности и архаичности его ценностно-нормативной системы.

Согласно исследованию Института социологии Национальной академии наук Украины, по состоянию на 2013 год 87,1% жителей Украины не входят ни в одну общественную организацию (то есть неправительственную организацию) [7, с. 509]. Только 9,9% украинцев полагают, что украинские общественные организации могут реально защитить их права, но надежда на международный суд и международные правозащитные организации выше: 19,7% жителей Украины считают, что они могут реально защитить их права [7, с. 508]. Средний балл доверия благотворительным фондам, общественным ассоциациям и объединениям составляет 2,6 (при значениях этого показателя от «1» – наименьший уровень доверия – до «5» – наивысшая степень доверия) [7, с. 486].

А ведь неправительственные организации – это основные институты «процедурной» демократии, поскольку именно они отслеживают обеспечение государством естественных прав человека. А через права человека осуществляется власть, оборачивая их разнообразными, даже самыми изощренными формами зависимости акторов, способами их подчиненности. Неучастие акторов в деятельности неправительственных организаций – это проявление «бегства» от прав, а в широком смысле – «бегства» от свободы.

Ценностная плоскость прав человека. Социальная значимость всех групп прав человека, включая прав человека третьего поколения (прав социальных общностей), зависит от отсутствия в обществе высоких показателей социального цинизма (пренебрежение людей к нравственным ценностям) и социальной анонии (состояние растерянности и пустоты) [2, с. 50–51]. Современный украинский философ Владимир Ермоленко отмечает, что свет и рациональность могут быть «главными режиссерами тьмы и безумия» [5, с. 52]. Социальную незначимость прав человека можно рассматривать как отступление субъектов от правосознания, от самоуважения и уважения человеческого достоинства других, что может диктоваться образованностью и холодным разумом в контексте целей приспособления к жестоким социальным реалиям. Современное же общество предполагает нравственность, не позволяющую рациональным расчетам и знаниям акторов отрицать ценности, в том числе и ценность прав человека. Права человека как базовая ценность проистекают из других базовых нравственных ценностей, в первую очередь из ценностей свободы, ответственности, толерантности, уважения человеческого достоинства, любви, творчества, справедливости, равенства возможностей, безопасности.

Основной нравственной ценностью, из которой проистекает нравственная ценность прав человека, является свобо-

да. Свобода – постматериалистическая социальная ценность, она не обременена материальными условиями и обладает сложной и богатой духовной субстанцией. Эвристичным является сопоставление свободы с материалистической ценностью благополучия (материального достатка). Можно полагать, что принятие людьми прав человека, их востребованность среди различных социальных групп прямо зависят от рассмотрения людьми свободы в качестве приоритетной ценности по отношению к ценности достатка. Свобода же структурируется в социально-правовой плоскости на права человека. Согласно социологическому исследованию Центра Разумкова, по состоянию на 2012 год 30,2% жителей Украины придают значимость и свободе, и достатку, но в обмен на собственное материальное благополучие данная категория людей готова уступить государству часть своих прав и гражданских свобод. Вместе с тем 37,3% украинцев придают значимость и свободе, и достатку, но в обмен на личную свободу и гарантии соблюдения всех гражданских прав эта совокупность людей готова терпеть определенные материальные трудности. 32,5% украинцев не определились касательно сравнительной значимости для них свободы и материального достатка [8]. Эта третья группа людей составляет человеческий «резерв» либеральных социальных трансформаций, поскольку эти акторы могут начать поддерживать демократический транзит общества через искреннее и публичное приращение приоритетной значимости свободе.

Таким образом, обретение правами человека социальной значимости является необходимым условием модернизации посткоммунистических обществ, к которым относится современное украинское общество. Модернизация социума предполагает становление в нем прав человека в качестве определяющей и действующей интегральной характеристики социальных отношений и взаимодействий в нем. Отношение представителей различных социальных общностей к правам человека как к своей свободе, их смелость перед дилеммами выбора, взятие ими ответственности за свою совесть на себя выступают экзистенциальными и ценностными факторами социальной значимости прав человека. Данные факторы должны подкрепляться развитым правосознанием и социальным опытом успешной реализации прав человека, что уже сильно зависит от государственных и коммерческих структур. Либеральное правосознание предполагает признание первичности естественных прав человека по отношению к государству, понимание их нравственной природы, а также бесстрашие перед формированием и осуществлением личного выбора. В правовом, политическом дискурсах и связанном с ними религиозном дискурсе свобода и проистекающие из нее права человека часто сильно искажаются, обеспечивая «бегство» очень многих акторов от своих прав и свободы в целом. Оборотными сторонами либеральной демократии выступают жестокость в отношении социально уязвимых групп общества, их бесправие, что отчетливо видно на примере внебрачных, беспризорных детей, страстно ищущих заботы.

Методологически крайне важным является формирование динамичной системы социальных показателей заинтересованности различных социальных общностей в правах и востребованности прав человека разными социальными субъектами. Без эмпирической диагностики указанных показателей в точных и работающих индикаторах картина данных об уровне и характере соблюдения прав человека, которую фиксируют международные неправительственные организации в разных странах мира, в частности организация Freedom House, остается незавершенной с точки зрения сокрытых факторов и смыслов. Оценку организацией Freedom House свободы в стране для полноты диагностики необходимо дополнить показателями этнокультурных, религиозно-конфессиональных, социально-психологических факторов, а также показателями соблюдения прав различных социальных общностей, особенно стигматизируемых в обществе (ведь в отношении к «слабым» во многом проявляется степень свободы общества и здесь необходимо формирование индикаторов показателей социальной стигматизации и дискриминации групп).

В современных обществах имеется тенденция возрастания востребованности прав человека среди социально стигматизируемых групп. То, что оборотной стороной «освобождения» через права человека является «закрепощение» на основе различных форм зависимости, проистекает из нравственной взаимосвязи свободы и чувства долга, свобода без чувства долга, конкретизируемая в ответственности, перетекает в разнузданность и иллюзорную вседозволенность. Принцип «никто никому ничего не должен» уничтожает социальную солидарность, создавая мнимую и «пустую» свободу.

На основе многофакторного объяснения и герменевтического описания социальной значимости прав человека возможно социальное программирование способов взаимодействия государственных и коммерческих структур с различными социальными общностями для достижения относительной поддержки акторами власти и их согласия упорядочивать свои взаимодействия друг с другом и властью на основе единых правил – прав человека. Важным компонентом данного социального программирования выступает моделирование деятельности неправительственных организаций, поскольку субъекты через участие в них приобщаются к требованиям прав человека. В подобном социальном программировании нуждается современное украинское общество, в котором «бегство» людей от своих прав зашкаливает.

Значимой комплексной теоретико-методологической перспективой настоящего исследования является следующее:

1. Формирование гибкой системы критериев оценки соблюдения прав человека в контексте различных социальных общностей и в привязке соблюдения/нарушений прав человека к их социальной значимости/незначимости соответственно.
2. Анализ полезности прав человека для развития общества в качестве свободного, а также с точки зрения достижения акторами желаемого ими жизненного успеха.
3. Раскрытие специфики повышенной значимости прав человека среди представителей социально уязвимых групп, которые являются стигматизируемыми и дискриминируемыми (особенно в домодерных и модернизирующихся обществах).

Литература

1. В Украине появился законопроект о гражданских партнерствах / Новости // Парни ПЛЮС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://parniplus.com/news/v-ukraine-zakonoprojekt-o-grazhdanskih-partnerstvah/>.
2. Головаха Є. Соціальний цинізм і аномія в українському суспільстві: загальна динаміка і останні зміни / Є. Головаха // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. – Вип. 1 (15). – К. : Інститут соціології НАН України, 2014. – Т. 1. – С. 49–56.
3. Діккенс Ч. Приклучення Олівера Твіста : [роман] / Ч. Діккенс. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 512 с.
4. Достоевський Ф. М. Братя Карамазови : [роман] / Ф. М. Достоевський. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 896 с.
5. Ермоленко В. Далекі близькі. Есеї з філософії та літератури / В. Ермоленко. – Львів : Видавництво Старого Лева, 2015. – 304 с.
6. Стан дотримання політичних прав та громадянських свобод в Україні (аналітичний звіт за 2010 – перше півріччя 2011). Абетка з прав людини в Україні. – К. : Дім Свободи Україна, 2011. – 167 с.
7. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. д. екон. н. В. М. Ворони, д. соц. н. М. О. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2013. – 566 с.
8. Що важливіше: свобода чи добробут? / Соціологічне опитування // Центр Разумкова [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=611.
9. Nations in Transit 2016 / Reports // Freedom House [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2016/>
10. Russia. Nations in Transit 2016 / Reports // Freedom House [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2016/russia/>

Анотація

Дышлевой И. А. Социальная значимость прав человека. – Статья.

В статье раскрываются факторы значимости для различных социальных субъектов прав человека, корни «бегства» людей от своих прав, отстаивания своих прав социальных общностей социально уязвимыми группами. Излагается литературная иллюстрация лишения субъектов прав человека. Анализируются методологические возможности и перспективы диагностики состояния соблюдения и нарушений прав человека. Придание акторами значимости правам человека, а также реализация этих прав концептуализируются в качестве обретения свободы и основной характеристики общества модерна. Раскрывается нравственное измерение прав человека как ценности. Обрисовывается положение прав человека в социальных взаимодействиях и отношениях, пронизывающих современное модернизирующееся украинское общество.

Ключевые слова: права человека, соблюдение прав человека, «бегство» от прав человека, свобода, модернизация.

Анотація

Дышлевой И. О. Соціальна значимість прав людини. – Стаття.

У статті розкриваються чинники значимості для різних соціальних суб'єктів прав людини, коріння «втечі» людей від своїх прав, відстоювання своїх прав соціальних спільнот соціально вразливими групами. Викладається літературна ілюстрація позбавленості суб'єктів прав людини. Аналізуються

методологічні можливості й перспективи діагностики стану дотримання та порушення прав людини. Надання акторами значимості правам людини, а також реалізація цих прав концептуалізуються як здобуття свободи й основна характеристика суспільства модерну. Розкривається моральний вимір прав людини як цінності. Окреслюється стан прав людини в соціальних взаємодіях і відносинах, які пронизують сучасне українське суспільство, що модернізується.

Ключові слова: права людини, дотримання прав людини, «втеча» від прав людини, свобода, модернізація.

Summary

Dyshlevyi I. O. Human Social significance of human rights. – Article.

The article reveals the factors of significance for the different social subjects of human rights, the people “escape” roots from their rights, advocate for the social communities rights by the vulnerable populations. The literary illustration of the deprivation of human rights subjects is given. The methodological possibilities and the diagnostics prospects of the condition of observance and human rights violations are analyzed. Giving the actors the significance of human rights and the realization of these rights are conceptualized as gaining freedom and basic characteristics of the society of modern. Moral dimension of human rights as value are revealed. The situation of human rights in social interactions and relationships that permeate the current modernizing Ukrainian society is outlined.

Key words: human rights, observance of human rights, “escape” from human rights, freedom, modernization.